

Аналітична частина дослідження, що містить розділи, які стосуються порівняльної характеристики словотвору й семантики лексико-семантичних груп «людина за віковою ознакою», являє собою систему нарисів, у кожному з яких подається порівняльна характеристика мовних даних, що, у свою чергу, пояснює причини відмінностей іспанських та українських словоформ. Для більшої наочності автор відсилає читача до схем і таблиць, які узагальнюють результати зіставного аналізу лексики на позначення людини за віковою ознакою і подані в додатках.

Не можна не оцінити вагомість підходу автора до описуваного матеріалу. Дослідник залучає до аналізу не тільки літературні назви людини за віковою ознакою, але й соціальні та стилістичні шари національних мов, і робить це в дуже складному вимірі порівняльного аналізу.

Особливо складним завданням, що поставив перед собою І.Ю. Проценко (з яким він, до речі, цілком впорався), є аналіз іспанської лексики з урахуванням її територіальних варіантів, у яких одна й та сама, етимологічно єдина в усіх варіантах, лексема може мати різні, іноді такі, що не мають нічого спільного, елементи значення.

Слід зазначити, що запропонована в роботі модель структурної та семантичної класифікації лексем, що називають людину за віковою ознакою, є певним внеском у зіставне вивчення лексики різноструктурних мов. Модель опису вказаних лексем може бути використана для розширення методологічної бази лексико-семантичних і культурологічних досліджень як загалом, так і для кожної з досліджуваних мов (у романістиці й україністиці), для розвитку суміжних наук, таких, як етнолінгвістика, лінгвокультурологія тощо. Практичне значення одержаних результатів у монографії І.Ю. Проценка визначається можливістю їхнього використання у викладанні порівняльної лексикології іспанської та української мов, загального мовознавства, когнітивної лінгвістики в курсі теорії та практики перекладу, у перекладацькій практиці.

Проведене дослідження може бути продовжене на матеріалі інших різноструктурних мов із залученням лексем, які належать до різних частин мови, що дозволить зрозуміти й зіставити процес формування національного образу людини, який, у свою чергу, визначає загальний характер й особливості національної мови.

Михайло Сенів (Донецьк, Україна)

Available 29 September 2013.

КАТЕГОРИЯ КВАНТИТАТИВНОСТИ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ (доклад на «Грамматических чтениях – VII» (Донецк, 5.02.2013 г.))

В настоящее время в современной лингвистике важное место занимают некоторые относительно новые её разделы и направления, как, например, когнитивистика и концептология, что можно только приветствовать. К сожалению, для многих наших коллег грамматика отодвинулась на задний план и не представляет интереса. Вместе с тем, и когнитивистика, и концептология коренятся в грамматике, о чем И.И. Мещанинов писал еще в 1945 году¹. И без углубленного изучения грамматики эти науки обречены на поверхностное существование, они не смогут стать частью фундаментальной грамматики, которая нам очень нужна, и которой у нас пока еще нет ни для одного языка.

Более 80-ти лет назад А.М. Пешковский выступил с идеей объективной грамматики², то есть, грамматики отражающей не нормативные положения, всегда временные и часто

¹ Мещанинов, И.И. Понятийные категории в языке [Текст] / И. И. Мещанинов // Труды военного института иностранных языков. – 1945. – № 1.

² Пешковский, А.М. Объективная и нормативная точка зрения на язык [Текст] / А. М. Пешковский // Объективная и нормативная точка зрения на язык. – М., 2010.

субъективные, а описывающей объективное положение дел в языке, каковое, в принципе, опирается на концепцию В. Гумбольдта о том, что человек живет в круге своего языка и выйти из него может только в другой язык³. Эту точку зрения разделял и А.А. Потебня. Её глубинный смысл в том, что носитель языка может нарушать норму, но не может выйти за пределы системы своего языка. Всё кажущееся нам неправильным в речи носителей языка не выходит за рамки системы данного языка, и лингвисты должны эту систему знать. Соответственно, нужна грамматика собственно для лингвистов, направленная не на описание культуры речи и общего образования, а для, так сказать, внутрилингвистического потребления, дабы иметь адекватное представление об объективном положении дел в языке, что позволит понимать, объяснять и прогнозировать возможные изменения в языке. Сейчас мы такой грамматикой не располагаем. Материалом для этой грамматики должен служить не только язык художественной литературы, который в действительности является только одним из функциональных стилей, и который, при всем своем совершенстве, количественно на много порядков беднее языка нашего общения, как письменного, так и устного, то есть того, что Т.М. Николаева назвала спонтанной речью⁴. Эта концепция ни в коем случае не отрицает и не снижает понятия нормы, но позволяет прогнозировать изменения этой нормы, анализировать и понимать их причины.

Как и всякая гениальная идея в науке, это положение А.М. Пешковского охватывает более широкий круг явлений, нежели может показаться. Для создания такой грамматики нужны не только факты нашей спонтанной речи и речи всех сфер и регионов нашего общения на территории данного языка, но и синтез и осмысление многочисленных работ наших коллег за последние десятилетия, иногда, вроде бы, не связанных между собой и написанных в разных моделях языка, но в синтезе позволяющих понять и объяснить определенные явления в языке из, казалось бы, не связанной с ними области.

Помимо этого, не менее важный и интересный собственно языковой материал из всех областей лингвистики оказывается еще не описанным в современной науке. Сейчас мы уже можем говорить, с одной стороны, о более широком понимании грамматики, рассматривающей все уровни языка в единстве их функционирования, ср. такие понятия как морфонология, морфосинтаксис и под., а с другой, – не просто о грамматике языка, а о грамматике конкретных частей речи (ЧР) и конкретных категориальных классов слов.

Одной из таких грамматик, пока не получившей адекватного описания в славистике, является грамматика числительного, причём, не только самого по себе, но и как ЧР, функционирующей в синтаксических построениях, то есть, на уровне морфосинтаксиса, а иногда и морфонологии. Представим некоторые общие наблюдения.

1. В наших грамматиках не прописаны некоторые типы числительных и особенности их синтаксического поведения. Интересно, что на эту проблему мы вышли при анализе категории предлога, в частности, при анализе коррелятов предлогов, то есть, словоформ, выступающих в функции предлога, но не выходящих из своей ЧР. К таким в славянских языках относятся так называемые параметрические существительные типа *длина, высота, масса, скорость, крепость, этажность* и мн. др., системно распространяемые количественно-именными группами типа *два метра, сто километров в час* и под. Как оказалось, эти количественно-именные группы, которые мы назвали *квантитативами*, составляют не просто множество, а вместе с другими аналогичными образованиями формируют функционально-семантическую категорию (ФСК) квантитативности, которая, в свою очередь, может считаться одним из грамматических центров функционально-семантического поля (ФСП) количественности. В 5-ом томе «Теории функциональной грамматики» под ред. А.В. Бондарко, посвященном категориям качества и

³ Humboldt W. von. Gesammelte Werke. Berlin. 1841 – 1852. Bd. 1-7.

⁴ Николаева, Т.М. Непарадигматическая лингвистика. (История «блуждающих частиц») [Текст] / Т. М. Николаева. – М., 2008.

количественности, эта часть категории не представлена вообще, хотя и упомянута в тексте⁵. И не потому, что редактор что-то пропустил, а по причине её отсутствия как объекта изучения в нашей грамматике. Вместе с тем, уже при описании коррелятов предлогов проявился фрагмент этой категории, показавший, что всё множество выявленных единиц есть не просто ряд образований, которые можно представить перечислением через запятую, а множество, семантически и структурно организованное, – фрагмент ФСК количественности как одной из составляющих ФСП количественности⁶.

2. В русском языке мы нашли некоторые специфические характеристики числительных, в наших грамматиках не выделяемые.

1) числительные системно выступают в приименной позиции в форме Им. п.: *доска длиной два метра; стержень высотой одна десятая метра;*

2) существует специфический подразряд количественных числительных, названный нами *комплексными* числительными (они всегда состоят из двух-трёх разных числительных, составляя одну синтаксическую единицу). Эти числительные системно выступают в Им. п. (в своей первой части) даже после предлогов, управляющих другими падежами. Это числительные со значением:

а) степени – *частица с энергией свыше десять в двадцатой;*

б) размера: *комната площадью порядка пять на четыре метра; параллелограмм объёмом около два на три и на пять метров;*

в) пропорции: *раствор крепостью порядка два к трём;*

г) диапазона: *породы крепостью не более один – три по Боде; цена порядка двести – триста рублей;*

д) десятичные дроби, начинающиеся с нуля: *Частица величиной не более ноль целых пять десятых нанометра.*

3. Сами числительные как морфологическая категория в разных славянских языках ведут себя по-разному.

1) если восточно- и западнославянские числительные **пять** – **девять** и составные с этими числительными на конце склоняются: *двадцати пяти, двадцатью пятью*, то в хорватском и сербском они потеряли склонение. Если в русском языке числительные типа *пять* сохранили склонение, свойственное словам женского рода третьего склонения типа *кость*, в частности в Тв. п. имеют форму на **-ью**, ср. *костью – пятью*, то в польском языке они здесь приняли окончание числительных *два, три, четыре* – старое окончание двойственного числа: *pięcioma, dziesięcioma*. Диапазон этих изменений по языкам и диалектам даст интересный материал для осмысления самих механизмов развития языка и факторов, влияющих на типы изменений, то есть позволит в истории языка перейти от фиксации явлений к их гносеологическому объяснению.

2) в восточно- и западнославянских языках составное количественное числительное не имеет внутри себя служебных единиц, в южнославянских присоединяет названия единиц союзом **и** (i), ср. хорватское: *sto četrdeset i jedan stol*. То же наблюдаем и в немецком языке: *ein und zwanzig*. И значит, уже само составное числительное есть морфо-синтаксическая единица. Наше разделение языка на уровни с жёсткими границами не адекватно.

3) в русском языке в составном порядковом числительном склоняется в форме адъектива только последнее числительное: *в тысяча девятьсот сорок первом / в тысяча девятьсот сороковом / в тысяча девятистотом / в тысячном году нашей эры*. В польском языке склоняются два последних числительных-адъектива: *w tysiąc dziewięćset czterdzie-stym pierwszym / w tysiąc dziewięćsetym czterdziestym*. Это опять морфосинтаксис.

⁵ Теория функциональной грамматики. Т. 5. Качественность. Количественность [Текст] / А. В. Бондарко. – 1996. – С. 161.

⁶ Судзуки Рина. Русские атрибутивные конструкции со значением «параметрическая характеристика предмета» и функционирование в них компонентов предложного типа (в зеркале японского языка) [Текст] / Рина Судзуки : дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2008.

Наверняка, таких явлений гораздо больше. Мы представим свой материал в следующем порядке: 1. специфика славянского квантитатива по сравнению с неславянскими языками и его место в категории числа существительного; 2. национальная специфика квантитативов в разных славянских языках; 3. употребление квантитатива в предложных структурах (на материале русского языка); 4. квантитативы с *два, три, четыре, один*, и их роль в некоторых языковых процессах.

1. Специфика славянского квантитатива состоит в следующем. Во всех других, теоретически известных мне, языках числительные составляют с существительным словосочетание (с/с), где грамматически главным словом (далее «слово» в кавычках) во всех случаях является существительное, а числительное, будучи грамматически зависимой словоформой («словоформа» в кавычках), выполняет при нем функцию количественного определения. Если в языке есть категория числа существительного, то с/с будут иметь вид (представлю возможную кальку) *один стол / один книга – два / пять / сто один столы, два / пять / сто один книги*. Если категории числа нет, то во всех случаях будет одна форма: *один / пять / сто стол / книга*.

В славянских же языках числительные в сочетании с существительным образуют некоторую целостность. Это проявляется в том, что для определенных с/с в Им. и Вин., то есть в прямых падежах, «словом» в таком с/с оказывается числительное, а «словоформой» – существительное. В косвенных же падежах «словом» является существительное, а числительное-«словоформа» согласуется с ним по падежу, ср.: *стоит дом / стоят домá, вижу дом / домá, но стоит пять домов / вижу пять домов*, ср. в других падежах: *у домов – у пяти домов, к домам – к пяти домам, с домами – с пятью домами, о домах – о пяти домах*. Другими словами, квантитатив – это определенное лексико-грамматическое единство, состав и поведение которого в синтаксисе на современном уровне не всегда можно логически объяснить. Если логика синтаксических отношений в случаях *стоит новый дом – стоят новые домá* понятна (согласование по числу и роду), то как можно объяснить такое построение: *стоит / стоят два / три / четыре новые / новых дома* – где существительное в форме Род. п. ед. ч., прилагательное – в Им. / Род. мн., а глагол может стоять в ед. и мн. ч. И хотя в норме указывается, что в с/с со словами муж. и ср. рода нужно употреблять Род. п.: *оба высоких берега, три открытых окна*, а для жен. – Им. п.: *две большие руки*, это указание, во-первых, всё равно не объясняет проблему согласования чисел и падежей этих словоформ, а во-вторых, во всех сферах языка оно далеко не всегда соблюдается, как например: *Утром две ладони, две больших руки Мыли окна в доме наперегонки. Два новые дома в старом болгарском стиле. Два большие яблока, зеленых сортов, натереть* (Интернет).

Кое-что нам объясняет история языка. Во-первых, как известно, в славянских языках дольше других индоевропейских языков сохранялось три формы числа существительных: единственное, двойственное и множественное⁷. Флексией двойственного числа (дв. ч.) для слов муж. р. на согласный, мы знаем, было в Им. и Вин. пп. ударное окончание *-á*, сохранившееся в русском языке в названиях парных предметов типа *глазá, бокá, рогá, берегá*, ср. также сохранившиеся формы дв. ч. названий парных частей тела в ср. р.: *очи, уши, плечи*. Во-вторых, если числительные *один, два, три, четыре* изначально были близки прилагательным, что видно по падежным формам и подтверждается наличием форм рода *трёх* у числительного *один, двух* у *два / две*, а также тем, что с числительными *три, четыре* выступал Им. п. мн. ч. существительных, ср. из «Домостроя»: *три пальцы равны имгъти*

⁷ Категория дв.ч. представлена в санскрите и в древнегреческом; еще в XIX в. она была живой категорией в литовском языке. Из современных индоевропейских языков к середине XX в. остатки дв. ч. сохранял ирландский язык (группа кельтских языков). В большинстве славянских языков категория дв.ч. начала утрачиваться до X в. н.э., так как уже в первых памятниках старославянской письменности наряду с употреблением форм дв.ч. без числовых показателей *два, оба* есть употребление форм дв.ч. с подкрепляющими значение этих форм числительными.

вкупѣ а два перьста имѣтн НаклоNeNa, или из «Новгородской летописи»: *Нзбрашасѣ три брѣты с роды свонмн*, то числительные от *пять* и выше были полноправными существительными, ср. запись XVIII века: *купиль другую тридцать коровь*; из новгородских грамот: *пришли ещѣ одну десять лососей*. Этим объясняется Род. п. мн. ч. присоединяемого существительного. В отличие от неславянских языков, не существительное конкретизировалось числительным, а числительное управляло существительным, ср.: *горсть орехов – пять орехов*.

В какое-то время категория дв. ч. стала ослабевать, потребовалось её подкрепление числительными *два*, *оба*, объединившимися с *три* и *четыре*, что не спасло её от падения. С тех пор считается, что в славянских языках существует две формы числа существительного: единственное и множественное. Нельзя сказать, чтобы дв. ч. ушло без следа. Слова *очи*, *уши*, *плечи*, западнославянские *řece*, *riče* – это старые формы дв. ч. в функции мн. ч. И только болгарский и македонский языки сохранили память о дв. ч., распространив эту категорию на все количественные, пусть только для слов муж. р. на согласный, которые в сочетании с любым числительным от *два* и выше имеют окончание *-а/ -я* – окончание Им. / Вин. пп. дв. ч. в древнеболгарском языке. Эта категория получила название *счётного множества*. Таким образом, в этих языках фактически выделены три формы числа существительного: ед. ч. *стол*, мн. ч. – *столове*, счётное множество – *град – два града*, *стол – три стола*, *славей – четыре славей*, *кон – пет коня* и т.п. Интересно, что в сочетании с местоименными числительными *колко*, *толкова*, *няколко* выступает также счётная форма: *колко броя*, *няколко лева*, *толкова речника* и т. п., а в сочетании с *много* – мн. ч. – *много столове*, где неопределённое числительное выполняет функцию количественного определения⁸. У счётного множества и мн. ч. свои взаимоотношения, слова жен. и ср. р. счётной формы не имеют, в определенных условиях (условия дополнительной дистрибуции) и для муж. р. вместо счётной формы выступает мн. ч., но это другой вопрос, и мы его здесь не обсуждаем. Важно что эта категория есть.

Логично предположить, что и в других славянских языках категория дв. ч. уступила место категории счётного (определённого) множества, или категории количественности. Этот вывод «выплыл» у нас еще в семидесятые годы при анализе категории именной темпоральности⁹. Но подтверждение он получил именно сейчас при анализе категории предложных единиц¹⁰. Именно категория количественности выпала из поля зрения лингвистики. А она, во-первых, в каждом славянском языке имеет свои особенности. Во-вторых, в ней есть аспекты, не отраженные в нашей грамматике, в частности, употребление количественных в предложных сочетаниях, и в-третьих, формы мн. ч. существительных муж. р. на ударное *-á* типа *домá*, *городá* в русском языке как один из результатов утраты дв. ч. Представим эти аспекты.

2. Национальная специфика количественных в разных славянских языках. Покажем эту специфику на с/с: 1) с существительными типа *тысяча*, *десяток*; 2) с *два*, *три*, *четыре*; 3) на составных числительных.

⁸ Я благодарю профессора кафедры русского языка университета им. Климента Охридского в гор. Велико Тырново (Болгария) Гочо Гочева за постоянную помощь в работе.

⁹ Всеволодова, М.В. Способы выражения временных отношений в современном русском языке [Текст] / М. В. Всеволодова. – М., 1975. – С. 276.

¹⁰ Всеволодова, М.В., Кукушкина О.В., Поликарпов, А.А. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Книга 1. Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц [Текст]. В печати.; Судзуки Рина. Русские атрибутивные конструкции со значением «параметрическая характеристика предмета» и функционирование в них компонентов предложного типа (в зеркале японского языка) [Текст] / Рина Судзуки : дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2008.

1. В современной грамматике слова – названия количества *миллион, тысяча, сотня, десяток, двойка, пятерка, двадцатка* суть существительные и только существительные. Такие слова, как *тысяча, миллион* и выше нельзя заменить собственно числительными (ср. *десяток* < *десять*, *сотня* < *сто*). Но в речи, в том числе, в художественной литературе, отмечены такие реализации, как: *Миллионы лет прошло, прежде чем нашла себе щёлку на берегу океана и пронзила её корешком живая травинка на планете* (В. Астафьев), ср.: *миллионы лет прошли. Тебя я узнала сразу, Хоть тысяча лет прошло.* – ср. *прошла тысяча лет. Тысяча лет прошло с тех пор, как погиб участник первой экспедиции по изучению Монолита. Сколько раз ты уже погиб, растворился, умер, переродился в тень. Сотня лет прошло ... Смотри, уже десяток лет прошло, как постригли меня в монахи, и бросил я совсем эту пагубу* (Интернет). Налицо – глубокое пересечение двух именных категориальных классов: существительных и числительных, что объясняется полевой структурой языка, где множества, образуемые дискретными единицами, пересекаются.

2. Исчезновение категории дв. ч. привело к перестройке некоторых с/с существительных с *два, три, четыре*, которое по-разному реализовалось в славянских языках. Есть три типа таких подчинительных с/с: 1) с/с, где числительное является количественным определением – «словоформой», а существительное в прямых падежах мн. ч. является «словом» с/с; 2) с/с, где «словом» в прямых падежах является числительное, а «словоформа» – существительное в этом случае стоит в форме Род. п. ед. ч. 3) с/с, где присутствуют все три формы.

1) первый тип представлен в западнославянских, в частности, в польском языке, где с/с с *dwa, trzy, cztery* системно выступают с Им. п. мн. ч. существительного: *dwa / trzy / cztery stoły / konie / lata / pola, dwie panie / ręce*, а прилагательные и глаголы – во мн. ч. (не обсуждаем здесь категорию мужского лица типа *dwóch panów przyszło / dwaj panowie przyszli*), в том числе и в составных числительных: *dwadzieścia dwa stoły/sto dwie panie*.

2) чистый случай сочетаний второго типа представлен в русском языке, где даже слова муж. р. – имена парных предметов, исконно выступающие в старой форме дв. ч. типа *глаза́, берега́, бока́, рога́*, в этих сочетаниях выступают в форме Род. ед.: *оба гла́за, оба бе́рега, оба бо́ка, оба ро́га*. Напомним, что определение к этой форме стоит в форме мн. ч. и может быть выражено как Им., так и Род. пп.: *два синие / синих гла́за*. Объяснить конъюнкцию этих форм с мн. ч. определения в Им. п., вероятно, можно исторически, когда при *три / четыре* эта форма определения была нормальна, но вопрос объяснения конъюнкции с Род. п. мн. ч. остаётся открытым. Что касается формы числа глагола, то интересно отметить, что если при *два / две* глагол может выступать в обеих формах числа: *лежат / лежат / лежали / лежало два журнала / две книги*, то при *оба / обе* глагол в норме выступает только в форме мн. ч.: *лежат / лежали оба журнала / обе книги*. Это, что называют, скрытая грамматика, но её пора открывать. Правда, в спонтанной речи встречается (пока редко) и ед. ч. глагола: *В архиве лежит оба решебника* (Интернет).

3) но особенно интересной представляется ситуация в украинском и белорусском языках и вообще в восточнославянских. В русском языке словоформы существительных в сочетаниях с *два, три, четыре* типа *два до́ма, три руки́, четыре окна́* однозначно воспринимаются как Род. п. ед. ч. Воспринимаются не только грамматистами, а, в первую очередь, и носителями языка, чему есть подтверждение в памятниках, где употребляется генитив на -у, ср. в двинских грамотах ещё XV века: *на два го́ду*. В белорусском языке с *два, тры, чатыры* в номинативе мн. ч. выступает только муж. р. на твердый согласный: *стаяць / стаялі два / тры / чатыры сталы* и слова ср. р., но некоторые в старой форме дуалиса типа *акны́*, при том, что во всех косвенных падежах, как и в собственно мн. и в ед. ч. выступает форма с инициальным губным *во́кна, вакно́* (Интересно, и почему *акны*, хотя в среднем роде должно бы быть *акнѣ*). Словоформы муж. р. на мягкий согласный и на *к-, г-, х-* и слова жен. р. и муж. р. первого склонения осознаются, как и в русском, как Род. п. ед. ч., ср.: *два кані* (мн. ч. *ко́ні*), *два суддзі́, но грозныя суддзі́, два бацькі́, но усе бацькі́; дзве рукі́, дзве нагі́,*

дзве сцяны́, ср. Им. п. мн. ч.: *ру́кі, но́гі, сце́ны* (сте́ны). Как видим, налицо теснейшее взаимодействие морфонологии и морфосинтаксиса. В украинском, по показаниям наших коллег, все формы имен в сочетании с *два, три, четыре* осознаются и грамматически определяются как формы мн. ч., а при наличии различия в ударениях – как акцентуационные варианты; то есть в словосочетаниях *Дві ха́ти* и *мої хати́* обе словоформы считаются формами Им. п. мн. ч. Но при Им. п. мн. ч. существительного прилагательное стоит в Род. п. мн. ч.: *два нових столи́*.¹¹ Как это объяснить с точки зрения грамматики? Различия в удалениях грамматисты объясняют влиянием дв. ч. Во все трёх языках при *два, три, четыре* такая форма – это одна и та же форма. Разница в её грамматическом осознании, что вторично и, наверняка, имеет в каждом случае своё основание. Но это интересно, и, думается, могло бы быть темой отдельного симпозиума. В белорусском и украинском языках, не подпавших, в отличие от русского, под такое сильное влияние староболгарского (старославянского) и развивавшихся «более самостоятельно», в сочетаниях с *два, три, четыре* соседствуют морфологически разные формы существительных: собственно мн. ч. и остатки дв. ч., интерпретируемые по-разному в грамматике каждого языка. Эти различия есть только в прямых падежах. В косвенных – налицо мн. ч.

4) в сербском и хорватском языках положение дел очень похоже на русское (скорее, наоборот: в русском похоже на южнославянское). После *два, три, четыре* и составных с ними выступает, по определению этих грамматик, Род. п. ед. ч.: *Došla su četrdeset i dva studenta / autobusa / taksija. Došle su četrdeset i dvije studentice. Prošla su četrdeset i tri ljeta.*

2. В квантитативах с составным числительным рассмотрим сначала квантитативы, оканчивающимся на *один*, а затем на другие типы единиц.

1) в польском языке в составных числительных с *jeden* это числительное не изменяется по роду, а все существительные выступают в форме Род. п. мн. ч., глагол во мн. или в ед. ч. ср. р., как и при числительных от *pięć* и выше: *Przyszły / Przyszło dwadzieścia jeden studentek.* В русском, украинском и белорусском языках и существительное, и прилагательное, и глагол стоят в форме ед. ч., а слово *один* изменяется по роду: *стоит / стоял двадцать один новый дом*, укр. *стоїть / стояв двадцять один новий будинок*, белор. *стаяў / стаіць дваццаць адзін новы дом; поднялась двадцать одна детская рука*, укр. *піднялась двадцять одна дитяча рука*; белор. *паднялася дваццаць адна дзіцячая рука́, лежало двадцать одно куриное яйцо*, укр. *лежало двадцять одне куряче яйце*. белор. *Ляжыць* (можно и *ляжаць*) *дваццаць адно курынае яйка*. То же в южнославянских языках. С числительным *один*, как и в восточнославянских языках, в составных числительных глагол и Им. п. сохраняются в ед. ч.: *Došao je četrdeset i jedan student / autobus / taksi. Došla je četrdeset i jedna studentica. Prošlo je četrdeset i jedno ljetо.* Думается, что ни в одном неславянском языке такие конструкции невозможны. Например, в немецком, где есть все три рода, и само числительное *ein* в сочетании со словами муж. и жен. рр. имеет разные формы, ср.: *nur ein Mann* (только один мужчина) и *nur eine Frau* (только одна женщина), – в составном числительном по роду не согласуется, а существительные, а значит, и глаголы, стоят во мн. ч.: *einundzwanzig Männer gehen spazieren, einundzwanzig Frauen gehen spazieren* (калька: *двадцать один мужчины / двадцать один женщины идут гулять*).¹² Почему категория рода у славян оказалась сильнее категории числа? Хотелось бы получить ответ от когнитивистики. Важно и интересно, что эта форма ед. ч. и соответствующего рода остаётся во всех падежных формах без предлогов и с предлогами. Существительное в ед. ч. (что зависит от числительного *один*) здесь всегда «слово», но числительное из синтаксической структуры без изменения смысла изъять нигде нельзя, ср.: *Пришел двадцать один человек – пришел человек. Поговорил с двадцать одним человеком – поговорил с человеком.* И значит, это не

¹¹ Я благодарю профессора Университата им. Янки Купалы в гор. Гродно (Белоруссия) М.И. Конюшкевич и профессора Университата в гор. Донецк (Украина) А.А. Загнитко за помощь в подборе и осмыслении языкового материала.

¹² Я благодарю своего соотечественника Юргена Ридгера за предоставленные материалы.

просто с/с, а целостное, неразделимое морфосинтаксическое единство. Посмотрим, как ведут себя квантитативы с другими составными числительными.

2) **Другие составные числительные.** Как показано выше, русские простые и сложные (однословные) числительные от *два* и выше в косвенных падежах, и в предложных с/с, где они являются «словоформой», согласуются с существительным-«словом» по падежу. Все числительные сами по себе: и простые *один – десять, сорок, сто*, и сложные *одиннадцать – двадцать, тридцать, пятьдесят – девяносто*, и составные типа *двадцать один, сорок три, сто семьдесят девять, пять тысяч восемьсот тридцать четыре* имеют полную падежную парадигму и свободно выступают во всех падежах, в том числе и с предлогами. Но есть случаи, когда компоненты составного числительного в квантитативе выступают каждый в своём падеже.

2. Употребление квантитатива в некоторых предложных конструкциях. Этот аспект непосредственно связан с категорией управления. Выше говорилось о способности квантитативов выступать в Им. п. в приименной позиции типа *высотой одна десятая метра*; и о классе комплексных числительных, выступающих в Им. п. даже после предлогов типа *частица с энергией выше десять в двадцатой степени*. Представим теперь следующие случаи: 1) выбор падежной формы в сочетании с двупредложным квантитативом; 2) зависимость падежной формы числительного от конкретного значения конкретного предлога и падежного потенциала самого числительного.

2.1. Категория квантитативна а priori предполагает оппозицию «точное количество» vs. «приблизительное количество». При анализе коррелятов типа *длиной в метр – длиной около / порядка метра* в русском языке (для украинского и белорусского языков этот фрагмент системы ещё ждёт своего исследования) выявилось, а скорее, было осознано, что в качестве маркеров-конкретизаторов приблизительности системно выступают предлоги *порядка, около, сверх, свыше*, а также компаративы *больше, не больше, меньше, не меньше* и под. Последующая проверка функционирования этих единиц с первичными предлогами *в, на, к, с*, то есть в составных единицах типа *в около, в порядка, к около, к порядка, с около, с порядка* и т.п., показала, что здесь управляющим может быть каждый из двух предлогов. См.:

1) квантитативом управляет конкретизатор: *Объем планируемых расходов на доразведку оценивается в порядка \$62 миллионов* (ср.: в шестьдесят два миллиона); *Наше оборудование успешно используется в около 70 стран* (ср.: в семидесяти странах). *Исходные примерно четыреста тэгов сведены к порядка ста наиболее употребительных* (к ста употребительным); *... получить доступ к около 400 планет различных форм и жизненных условий. Министерство и порт вели консультации с порядка десяти международных фирм. Да мне бы в реальный Метрополитен-музей... он является самым посещаемым музеем в Соединенных Штатах, с около пяти миллионов посетителей в год. Художественные бригады Казахской государственной филармонии провели около сорока тысяч концертов перед порядка десяти миллионов слушателей.*

2) квантитативом управляет первичный предлог: *Выручку за 2007 год Rambler Media оценивает в порядка \$63 миллиона. К тому времени он успел сняться в порядка двадцати картинах. Работы Эрвина Реддла экспонировались в около сотне стран мира. Нефть должна упасть к порядка 15-20 долларам за баррель. Активный переговорный процесс идет с порядка десятью странами. Я совершил семь кругосветных путешествий и поддерживаю связь с около десятью миллионами людей* (Интернет).¹³

¹³ Всеволодова, М.В. Грамматические аспекты русских предложных единиц: типология, структура, синтагматика и синтаксические модификации [Текст] / М. В. Всеволодова // Вопросы языкознания. – 2010. – № 4; Всеволодова, М.В., Кукушкина О.В., Поликарпов, А.А. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Книга 1. Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц [Текст]. В печати.

3) но есть случаи, когда числительное и существительное управляются каждое своим предлогом: числительное – конкретизатором, а существительное – базовым предлогом: *Во Владивостоке произошло столкновение маршрутного автобуса с около десяти автомобилями. Я не хочу терять акк с около десяти играми. Эта проблема стоит перед около тридцати регионами.* Думается, здесь можно и нужно найти когнитивное объяснение, как например, употребление по образцу квантитативов с числительными *сорок, девяносто, сто*, которые во всех косвенных падежах имеют одну форму: *сорока, девяноста, ста*. Представленные выше случаи в наших грамматиках и словарях вообще не отмечены, поэтому степень их нормативности не обсуждается.

2.2. **Зависимость падежной формы квантитатива** от ряда факторов. Обычно считается, что тот или иной предлог в том или ином своём значении (если он имеет несколько значений) требует определенного падежа. В действительности, дело обстоит сложнее. Во-первых, один и тот же предлог в одном и том же значении может управлять не одним, а двумя падежами, в том числе, Им., ср.: *здание в стиле поздний модерн – здание в стиле позднего модерна.* О предлогах, управляющих Им. п.,¹⁴ в нашей литературе уже писалось¹⁵. Во-вторых, падежная форма может определяться самим припредложным именем. Так, предлоги *во благо, во вред* управляют Род. и Дат. пп., но личные местоимения и возвратное местоимение *себя* выступают только в Дат. п., даже при наличии в с/с другого имени в Род. п.: *Работать во благо общества и себе; Он действовал во вред каждого и мне* (Интернет). Возможно, употребление Род. п. объясняется влиянием слов третьего склонения, которые в обоих падежах имеют одну форму, могущую расцениваться носителем языка и так, и так, ср.: *Разговор идет только во благо истине и человечности* (А. Богданов).

Случаи с квантитативами представим на примере двух значений русского предлога **по**. Это очень многозначный предлог, до сих пор в нашей авторитетной словарной и грамматической литературе не получивший адекватного представления, хотя отдельные очень важные для нас замечания были сделаны, в частности, в СОШ. Этот предлог среди прочих вводит значение разделительности, причем разделительности двух типов, назовём их (в рабочем порядке) общей и конкретной разделительностью¹⁶.

1) общая разделительность предполагает, в первую очередь, множество типов пространств (мест) или временных отрезков, которое может быть выражено как просто формой мн. ч. их названий, так и квантитативом, указывающим на их число, по отношению к которому действует субъект или распределяется некоторое множество объектов. В этом случае всегда употребляется Дат. п. мн. ч.: *люди разошлись по домам* (= в свои дома);

¹⁴ Акимова, Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка / [Текст] Г. Н. Акимова. – М., 1990; Клобуков, Е.В. Семантическая категория падежности в системе функциональной грамматики русского языка / [Текст] / Е. В. Клобуков // Глава в колл. монографии «Проблемы функциональной грамматики: Категории морфологии и синтаксиса в высказывании / Отв. редактор А. В. Бондарко. – СПб.: Наука, 2000; Всеволодова, М.В. Грамматические аспекты русских предложных единиц : типология, структура, синтагматика и синтаксические модификации [Текст] / М. В. Всеволодова // Вопросы языкознания. – 2010. – № 4; Всеволодова, М.В. К вопросу об операциональных методах категоризации предложных единиц [Текст] / М. В. Всеволодова // Вестник Московского университета. – Серия 9, Филология. – 2011. – № 3; Всеволодова М.В. Система морфосинтаксических типов русских предлогов. Статья 2. Фрагмент системы – мотивированные (вторичные) предлоги [Текст]. В печати.; Всеволодова, М.В., Кукушкина О.В., Поликарпов, А.А. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления Книга 1. Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц [Текст]. В печати.

¹⁵ Мы не рассматриваем здесь всю морфосинтаксическую парадигму составных предлогов, когда базовый предлог присоединяет первичные предлоги-экспликаторы, не вносящие никаких новых смыслов, ср.: *жить вблизи моря* и: *вблизи до моря / вблизи к морю / вблизи от моря / вблизи с морем* или выступает со своим синонимом, образуя синонимический редуцират *жить вблизи у моря / у вблизи с морем* (см. названные выше работы).

¹⁶ Мы не настаиваем на признании именно этих терминов. Это проблема более общего обсуждения. Нам важно показать их различия.

почтальон носит письма по домам (= в разные дома), *расставить книги по полкам* (пример СОШ; = на полки), *мы ездили по городам и весям* нашей области (в города и веси), *ходить по магазинам, по ресторанам* (= в магазины, в рестораны), *лазить по карманам* (= в карманы): *распределить дежурства по дням и часам*, *дать точные данные по месяцам и неделям*; *Европа по столетиям*. *История России в портретах по столетиям*. *Резерв незаработанной премии с разбивкой по кварталам и годам*. При наличии квантитатива все числительные тоже употребляются в Дат. п.: *Разослали письма по одной тысяче двумстам сорока одному адресу*. *Делегаты разъехались по двадцати пяти странам*. *Звонил по тридцати двум номерам*. *Расставили книги по двумстам сорока трём полкам*.

2) в конкретной разделительности речь идет о множестве множеств (даже представленных единичным предметом), так или иначе распределяемых между другим множеством (начиная от двух) объектов. Если это существительное без количественного показателя или с числительным *один*, они выступают в Дат. п. ед. ч.: *Маше и Саше дали по яблоку*; *Нам выдали по проездному билету*. *Ребята взяли по одной книжке / по одному апельсину*. В предложениях с таким компонентом частотны местоимения *все, каждый, некоторые*, или квантитативы-адресаты, получатели в широком смысле: *В каждую комнату / В три комнаты / Во все комнаты поставили по большой вазе с цветами*. Но в сочетании с квантитативами предлог **по** способен управлять тремя падежами. Числительные *один / одна / одно* выступают только в Дат. п., не зависимо от того, выступают они самостоятельно или в составном числительном (см. выше пример о разосланных письмах). Другие числительные в этом случае в Дат. п. не выступают. Числительные *два, три, четыре, сорок, девяносто, сто, двести, триста, четыреста* – выступают только в Вин. п.: *дали по два / три / четыре яблока*; *в каждом отряде по сорок / дев'яносто / сто человек*; *некоторые платят за билет по двести / триста / четыреста рублей*. Числительные *пять – девятнадцать*, названия десятков на *-дцать* или *-десять*, числительные *пятьсот – девятьсот* могут выступать как в Вин., так и в Род. пп.: *Каждый заплатил по пять рублей / по пяти руб-лей*; *работали по очереди по четырнадцать / по четырнадцати дней*. *Каждому выплатили по шестьсот пятьдесят / по шестисот пятидесяти рублей*. Но: *по шестьсот пятьдесят одному / по шестисот пятидесяти одному рублю*. См. пример из Интернета: *Ответ справочной службы русского языка*. Конструкция с дательным падежом является книжным вариантом: *по двадцати одному рублю, по двадцати девяти рублей*; – где не различаются Дат. и Род. пп., да и само утверждение не точное. Вся сложность в том, что в одном составном числительном, где присутствуют числительные разных типов, фактически в одной морфосинтаксической единице в современной норме выступают разные падежные формы: *Каждый получил по одной тысяче* (Дат.) *двести сорок* (Вин.) *одному рублю* (Дат.) / *двести сорок два / три / четыре* (Вин.) *рубля / двести сорок пять* (Вин.) *рублей*. *Кое-кто заплатил по пять* (Вин.) *тысяч семисот двадцати* (Род.) / *семьсот двадцать* (Вин.) *одному* (Дат. п.) *рублю*; *За два участка заплатили по два миллиона* (Вин.) *одной тысяче* (Дат.) *пятидесяти рублей* (Род.). При этом изъять числительное из квантитатива нельзя, потому что форма существительного определяется здесь числительным, что еще раз подчеркивает и удостоверяет с одной стороны, целостность и специфику такого сочетания как квантитатив, а с другой – специфику категории счетного множества среди форм числа существительного. Интересно сопоставить этот материал не только с украинским и белорусским, но и с другими славянскими языками.

3. Влияние категории двойственного числа на формы Им. п. мн. ч. некоторых существительных муж. р. Это вопрос собственно русского языка, поскольку ни в одном другом славянском языке таких форм нет. Речь идёт о соотносённости форм *два дѡма – домѧ*.

Происхождение этой формы из старого дв. ч. подробно рассматривает С.П. Обнорский¹⁷. Судя по всему, в тех случаях, когда формы Им. дв. в словах муж. р. типа *стол* – *столá* совпадали с Род. ед., они стали восприниматься как формы Род. п. ед. ч. и постепенно «перетянули» в эту форму и старые формы дв.ч. типа *глазá*, *бокá*, изменив место ударения: *два гла́за*, *оба бо́ка*. Формы *глазá*, *бокá* стали восприниматься в отсутствие категории дв. ч., как мн. ч. В русском языке, как известно, постепенно расширяется число существительных мужского рода с ударным окончанием *-á/-я́* в Им. п. мн. ч. типа *домá*, *городá*. Эти слова еще в XVIII веке имели форму *дóмы*, *гóроды*. Форма *учител́я* появилась в начале, а форма *профессорá* – в конце сороковых гг. XX века. Как показывает материал, эти формы проявляются в определенных функциональных стилях. Так, у кулинаров-профессионалов системны формы *супá*, *тортá*, у спортсменов – *тренерá*, у авиаторов – *штурманá*, у метеорологов *ветрá*, у техников – *инженерá*, *токаря́*, *слесаря́*. Некоторые слова сейчас функционируют в спонтанной речи в двух формах: *ка́теры* и *катерá* (у моряков уже только *катерá*), *дирéкторы* и *директорá*, *ку́полы* – *куполá*. Но уже нормативны формы *докторá*, *поварá*, *номерá*, *мастерá*, *поездá*. Идет речь о нормализации словоформы *договорá*. Бессмысленно что-либо запрещать. Это процесс системы русского языка. Но у нас пока нет анализа этого процесса, нет объяснения, почему старые формы дв. ч. взяли на себя функцию мн. ч. и, очевидно, распространяют её на множественное (не все коллеги согласны с таким толкованием, но пока это единственное логичное объяснение), и какие типы имен муж. р. подвержены такому преобразованию. Возможно ли образование таких форм от слов *ученик*, *дневник*, *дождь*, *вождь*, *труд*, *пруд*, *хирург*, *супруг*, *стол*, *пол*; или *станок*, *рубанок*, *сынок*. А это позволило бы прогнозировать неизбежные изменения в языке. Разумеется, это вопрос и истории языка, но для объяснения современной системы нужно выйти из нее и в другие славянские языки, и в диахронию. Этот процесс связан с переносом ударения на окончание. О.А. Смирницкая рассказывала, что когда в частях военно-морского флота читали приказ Главного штаба, в котором было выражение *все кáтеры*, моряки смеялись и говорили: *В Москве говорят «катеры́»*. И значит, для них ударение в этом слове на конце. Это уже морфонология, пока тоже не описанная в нашей грамматике. Фонетисты, к которым я обращалась с этим вопросом, связь этого явления с переносом ударения отрицают.

4. И, наконец, последнее. Не секрет, что сейчас в речи даже образованных людей наблюдается системное нарушение нормативного склонения числительных типа *двухста* вместо *двухсот*, *в двух тысяча первом году* вместо *в две тысячи первом году* и под. Кстати, впервые я услышала словоформу *шестиста*, вместо *шестисот* где-то в конце 70-х гг. в речи тогдашнего секретаря ЦК компартии Украины (не помню фамилии). Тогда это было шоком. Сейчас так говорят на самом высоком уровне. Думается, что это процесс, происходящий в рамках категории склонения русских, а возможно и украинских и белорусских числительных, и нужно бы собрать этот материал и проанализировать изменения в рамках данной категории, чтобы в определенной степени спрогнозировать их и понять их языковой смысл. Интересно, что происходит сейчас в других славянских языках с категорией числительных.

¹⁷ Обнорский, А.В. Именное склонение в русском языке. Т. II. [Текст] / А. В. Обнорский. – М., 1931; Обнорский, А.В. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. АН СССР [Текст] / А. В. Обнорский. – М.-Л., 1946; Потебня, А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 4. [Текст] / А. А. Потебня. – М.-Л., 1941; Богородицкий, В.А. Общий курс русской грамматики [Текст] / В. А. Богородицкий. – М., 1935; Соболевский, А.И. Лекции по истории русского языка [Текст] / А. И. Соболевский. – Изд. 1, 1907; Селищев, А.М. Славянское языкознание: Западнославянские языки [Текст] / А. М. Селищев. – Изд. 1, 1941; Флоринский, Т.Д. Лекции по славянскому языкознанию [Текст] / Т. Д. Флоринский // Т. 2. Северо-западные славянские языки (чешский, словацкий, польский, кашубский, серболужицкий и полабский). – Киев, 1897.

Наверняка, это не все проблемы и вопросы, связанные с грамматикой категории числительных, закономерности изменения которой мы пока констатируем на уровне нарушения нормы. Но нарушения (пусть и, к сожалению, для нас) переходят в систему. И эту систему лингвистика должна знать.

Майя Всеволодова (Москва, Россия)

Available 25 January 2013.

INNOVATIONS IN PRESENT-DAY UKRAINIAN AND ENGLISH LANGUAGES

Presentation of :

Putilina, Oksana. Innovations in Present-day Ukrainian and English Languages (Morphology. Syntax. Sociolinguistics). Book 2 [Text] / Oksana Putilina : Educational Supply for Students of Higher Educational Institutions / Ed. by Anatoliy Zahnitko. – Donetsk : Donetsk National University, 2012. – 306 pp.

Under the global integration that results in strengthening intercultural relations, development of languages, including English and Ukrainian, is an impetuous process, particularly at the lexical level, which is not always predictable, so it is clear is that the lexicographical sources do not have time to fix neologisms, creating serious obstacles especially for those who are not native speakers in a language, but is forced to perform an active communicants in the linguistic environment, in the first place – in English as a language of active international communication in terms of Ukrainian-speaker personality.

Repeated attempts to study English lexicographical sources have shown that not all lexical units recorded in the most sensitive to such language processes sources, based on actual live speech and appealed to it, namely – in the mass media, research papers and fictions by English-language authors included in the register of even the most authoritative dictionaries of English that publishes in the UK and USA. Analysis of examples collated by many authors, in which this fact is of concern, revealed new structural types of lexical items such as broken (splinter) elements (splinters), a significant number of highly unstable compound nouns with separate writing, but a common unifying focus (block compounds) and creation on their basis complex / pseudo-complex words of other parts of speech, whose self-morphological identity usually is defined only within a specific context for the fulfillment of their syntactic role, i.e. their appearance is a evidence of strengthening the influence of analogous to the formation of composites / quasi-composites, that can lead to structural changes of lexical items, including the conversion of compound words in derivatives for potentially unlimited number of new words with unstable and unpredictable grammatical categorical indicators.

This process is one of the differential features of Modern English, especially British and American variants as competitors, stand out against other variants of English (such as the Australian or Canadian) with the multiplicity of speakers, geographical area because of extralinguistic factors of their distribution – as classical, "original", "true" (as claimed by some supporters of BE) English in the status of one of the languages of international communication and less conservative, with signs of language-cosmopolitan, that absorbed in themselves elements of other languages, which directly contacted, the language of the powerful state in the world arena (AmE), respectively. It is clear that non-English communicants hard not to get lost, hitting the English-speaking society, especially given that all options, including BE and AmE, not fixed on a particular territory and demonstrate active engagement / compete even in the speech of a particular English speaker. The complexity of the situation also lies in the fact that the processes that originate at the lexical level, provoke changes at other levels of language, in fact, sometimes blurring the traditional notions of grammatical categories, syntactic relations and semantic structure of construction in general.